

КОРОЛЬ ФРАНЦИИ И ЕГО ЧИНОВНИКИ (СВОЕОБРАЗИЕ ПРИНЦИПА КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ *QUOD PRINCIPI PLACUIT*)

С.К. Цатурова

В истории монархической власти во Франции, в ее развитии от сословной монархии (именуемой также «ограниченной», «ренессансной» и т.д.) к монархии абсолютной бросается в глаза один явный парадокс. По мере усиления власти монарха и параллельно со становлением властных институтов происходит постепенное и неуклонное укрепление прав королевских чиновников на занимаемые ими должности, в итоге превратившее их во владельцев этих должностей. Справедливо усматривая здесь сущностное своеобразие монархической формы власти, историографическая традиция сделала излюбленным сюжетом изучение этого процесса не только как проявления специфики формирования средневековых элит, но и как показателя становления нового типа государства, немислимого без профессиональной и обширной бюрократии¹. Укрепление владельческих прав чиновников на занимаемые должности расценивается в этой традиции в качестве важного ограничения власти монарха и источник нарастающего конфликта короля с суверенными куриями, закончившегося взаимной ликвидацией соперников Французской революцией XVIII в.²

Сусанна Карленовна Цатурова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ Позволю себе ограничиться лишь наиболее значимыми работами: *Хачатурян Н.А.* Сословная монархия во Франции XIII-XV вв. М., 1989; *Люблинская А.Д.* Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М., 1965; *Малов В.Н.* Ж.Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991; *Копосов Н.В.* Высшая бюрократия во Франции XVII века. М., 1990; *Guenée B.* L'Occident aux XIV^e et XV^e siècles. Les Etats. P., 1993; *Autrand Fr.* Naissance d'un grand corps de l'Etat: Les gens du Parlement de Paris, 1345-1454. P., 1980; *Kubler J.* Recherches sur la fonction publique sous l'Ancien régime. L'origine de la perpétuité des offices royaux. Nancy, 1958.

² *Guenée B.* L'histoire de l'Etat en France à la fin du Moyen âge vue par les historiens français depuis cent ans // *Revue historique.* 1964. T. 232. P. 360; *Le Miracle capétien / Sous dir. de S. Rials.* P., 1987. P. 321-240; *Richet D.* Autour des origines idéologiques lointaines de la Révolution française: élites et despotisme // *Annales.* 1969. T. 24. N 1. P. 1-22.

Действительно, задуманный вначале как антипод прежней инфеодировавшейся королевской администрации, новый аппарат власти формировался на принципах жесткой связи чиновника с персоной монарха, и с этой целью в том числе рекрутировался из неблагородных или незнатных слоев. Однако в дальнейшем развитие институтов королевской власти потребовало стабилизировать и зафиксировать численность должностей (в середине XIV в.), затем – оградить королевских служащих от политически ангажированных и навязываемых королю давлением извне необоснованных смещений: знаменитый ордонанс от 28 мая 1359 г. восстанавливал на должностях смещенных в ходе политического кризиса 1356-1358 г. чиновников³. Так была заложена основа автономизации бюрократической функции: чиновник получал должность, существовавшую до и вне зависимости от него, и не мог быть смещен без законных оснований или судебной процедуры. Поворотными вехами на пути превращения чиновника во владельца должности явились появившаяся в 1370-х годах практика выборов на вакантные должности самими чиновниками, возникшая на рубеже XIV-XV вв. система передачи должностей (отказ в пользу другого лица – *resignation in favorem*), которая едва скрывала факт продажи; утверждение ордонансом от 21 октября 1467 г. принципа несменяемости чиновников, наконец, поэтапная легализация продажи должностей: создание в 1522 г. Палаты нерегулярных налогов (*Bureau des parties casuelles*), указ 1568 г. о праве распоряжаться должностью в обмен на уплату 1/3 ее стоимости, и в 1604 г. учреждение так называемой «полетты», т.е. наследственности и права распоряжаться должностями за ежегодную уплату королю 1/60 ее стоимости⁴.

Помня об этой перспективе, исследователи излишне охотно ее удревняют, а В.Н. Малов даже предлагает новый термин: возражая «против укоренившегося в нашей историографии обозначения французских должностных лиц как чиновников», каковыми они не являлись, будучи «собственниками должностей (конечно, не в буржуазном, абсолютном смысле слова)», он предлагает именовать их «просто» оффисье⁵. Остается, правда, неясным, для какого именно периода вводится этот термин: следует ли так именовать французских должностных лиц монархического государства со времени появления этих новых

³ Ordonnances des rois de France de la troisième race recueillies par ordre chronologiques. 22 vols. P., 1723-1849. (Далее – ORF). Т. III. P. 345-349.

⁴ ORF. Т. XVII. P. 302-324; Richet D. La France moderne: l'esprit des institutions. P., 1973. P. 82.

⁵ Малов В.Н. Указ. соч. С. 12.

officiers, т.е. с правления Людовика IX Святого (середина XIII в.) или только в те без малого двести лет, что отделяют «полетту» от Революции 1789 г.

Но инициатива получила поддержку: в недавно опубликованной монографии П.Ю. Уваров, исследуя французское общество XVI в. по нотариальным актам, в основном, за период с 1539 по 1559 гг., выделяет социальную категорию «офисье» (владельцы должностей) и «судейские». При этом приводится любопытная аргументация: «первое искушение назвать этих дарителей “чиновниками” пришлось оставить из-за нежелательных ассоциаций с современной бюрократией, скрывающих тот факт, что офисье были по сути антиподами чиновника-бюрократа в веберовском смысле этого слова»⁶. Суть этого контраста автор не оговаривает, скорее всего, ввиду обширности темы и наличия большого числа сторонников этой позиции⁷.

Терминологические споры позволю себе перенести в конец и обратиться собственно к сути отмеченного мною парадокса. Как могло случиться, что неуклонное и поступательное усиление власти короля Франции в одной области проделало противоположный путь – от всевластия монарха над своими служителями к утере прав распоряжаться должностями? Причем в области отнюдь не второстепенной, а можно сказать фундаментальной для верховной власти, ибо королевские служители, как и современная бюрократия, собственно, и есть власть, ее физическое повсеместное воплощение. Что означало это увеличение владельческих прав чиновников на должности для самой королевской власти? И отменяло ли оно действие в этой отдельной сфере одного из фундаментальных принципов абсолютной власти “*Quod principi placuit legis habet vigorem*” (Что угодно государю имеет силу закона)?

Взятые французскими легистами XIII-XIV вв., теоретиками нового типа государства, из римского права принципы абсолютной власти монарха служили фундаментальной политической доктрине – «король Франции – император в своем королевстве»: уже упоминавшийся принцип “*Quod principi placuit*”, а также “*Princeps legibus solutus est*” (Государь выше закона), “*Omnia esse principi*” (Все принадлежит

⁶ Уваров П.Ю. Франция XVI века. Опыт реконструкции по нотариальным актам. М., 2004. С. 105.

⁷ Как пример историографического клише о полной независимости чиновников от короля после 1522 г. см. раздел, написанный Ж. Барбеом в кн.: *Le Miracle capétien*. P. 210-211.

государю)⁸. Подчеркнем, что эти принципы абсолютной власти монарха и в дальнейшем развивали и проводили в жизнь сами королевские служители, прежде всего, судейские чиновники Парламента – первой и центральной суверенной курии, ведавшей главной функцией верховной власти – отправлением правосудия.

Новые принципы королевской службы закладывались тогда же в законодательстве Людовика Святого: в основе их лежала клятва верности королю, которому исключительно обязывался служить чиновник, отринув все прочие обязательства, и эта клятва оставалась неизменной вплоть до конца Старого порядка⁹. Затем во второй половине XIV в. утверждается принцип неотчуждаемости домена, ускоренный обстоятельствами Столетней войны, и в структуру этих неотчуждаемых прав короны входят королевские службы, что отразилось и в изменении приносимой королем при коронации клятвы¹⁰. Эти неотчуждаемые права короны оставались неизменными и были теоретически обоснованы у юристов XVI в. Луазо и Ла Рош Флавена: в число пяти регальных прав короля входили право издавать законы, назначать чиновников, объявлять войну и заключать мир, а также высшая судебная юрисдикция и чеканка монеты¹¹.

Таким образом, теоретически сам король назначал всех своих чиновников, делегируя им строго определенную часть собственных полномочий; и это оставалось сутью службы короне, определяя характер отношений монарха и его служителей. Они с самого начала были и оставались его слугами, и так именовались в королевских письмах – “servientes nostri”. Еще более знаменательно наиболее употребительное обращение короля в законодательных письмах, адресованных своим

⁸ О связи этих принципов с античной традицией см.: *Morel H. L'absolutisme français procède-t-il du droit romain? // Melanges en hommage de Jean Imbert. P., 1989. P. 425-440.* В правление Людовика Святого создается трактат, соединивший римское право и кутюмы «Книга правосудия и судопроизводства», куда вошел и этот фундаментальный принцип: «Ce que plest au prince vaut loi» (Li livres de Jostice et de plet. Publ. par Rapetti. P., 1850. P. 9.).

⁹ Первым законодательным оформлением этого нового статуса службы короне является знаменитый ордонанс «о реформе нравов в Лангедойле и Лангедоке», изданный в Париже в декабре 1254 г. (ORF. T. I. P. 65-75); о тексте клятвы чиновников см.: *Tessier G. Diplomatie royale française. P., 1962. P. 138-140.*

¹⁰ *Autrard Fr. Offices et officiers royaux en France sous Charles VI // Revue historique. T. 242. N 2 (492). P. 324-325* ; об изменении клятвы короля см.: *David M. Le serment du sacre du IX^e au XV^e siècle. Contribution à l'étude des limites juridiques de la souveraineté // Revue du Moyen âge latin. 1950. T. 6. P. 5-272; Jackson R.A. « Vivat rex ! ». Histoire des sacres et couronnement en France (1324-1825). P.; L., 1984. P. 57-75.*

¹¹ *Richet D. La France moderne. P. 52-53* ; *Glasson E. Le roi grand justicier // Nouvelle revue historique de droit. 1902. T. 26. P. 715.*

чиновникам, – «наши любимые и верные». Король не только оплачивал их службу из доходов казны (кормил), он одевал их в соответствующее ливрейное одеяние (или выдавал дважды в год эквивалентную сумму денег), для глав судебного ведомства, канцлера и президентов Парламента, – в так называемую «королевскую одежду», что было знаком тесной личной связи служителей короны с персоной монарха¹². В этом контексте уместно напомнить, что в политической доктрине служители короля, прежде всего, в верховном суде королевства – Парламенте – расценивались как «часть тела короля (*pars corporis Regis*)»¹³.

Формуляр писем назначений чиновников убедительно доказывает исключительное право короля выбирать своими служителями тех, кто ему угоден, и эта формула оставалась неизменной и параллельной процессу укрепления владельческих прав королевских должностных лиц. Приведем несколько примеров, относящихся к периоду известной стабилизации королевских служб. В декабре 1420 г. Карл VI назначает Гийома Форэ генералом монет в Монетном дворе Парижа, «ибо так нам угодно и желаем поступить (*car ainsi nous plait-il, et voulons estre fait*)». 18 июля того же 1420 г. король назначает Гийома Ле Клерка и Жана де Преси главами финансового ведомства «до тех пор и так долго, пока нам будет угодно (*tant et si longuement comme il Nous plaira*). В июне 1462 г. Парламент отказался утвердить назначение Людовиком XI Гийома д'Аркура, графа Танкарвильского и кузена короля, главой суда, финансов, вод и лесов графства, и потребовался приказ короля, где четко было сказано, что «таково наше желание (*nostre plaisir*)», и Парламент вынужден был его утвердить. 4 августа 1463 г. король восстанавливает должность четвертого советника Палаты казны и дает ее мэтру Гийому де ла Гай, «пока он нам будет угоден (*tant qu'il nous plaira*)». 15 мая 1466 г. тот же Людовик XI создает должность экстраординарного адвоката короля в Палате косвенных сборов для мэтра Жана Дюффренуа, что вызывает некоторый ропот ординарных адвокатов, смиряющихся, однако, поскольку «это желание короля (*c'estoit le plaisir du Roi*)». 12 сентября 1467 г. этот же король накануне указа о несменяемости должностей целиком переназначает всех членов

¹² *Ducoudray*. Les origines du Parlement de Paris et la justice aux XIII et XIV siècles. P., 1902. P. 173-187; *Quicherat J.* Histoire du costume en France depuis les temps les plus reculés jusqu'à la fin du XVIII siècle. P., 1875. P. 314-325.

¹³ *Le Coq J.* Questiones Johannis Galli / Ed. par. M. Boulet. P., 1944. P. 16 (Qu. 18). Об этом же прямо говорится не только в ранних, но и в двух позднейших королевских письмах – от 26 февраля 1465 г. и от 21 октября 1467 г. (ORF. T. I. P. 676; T. III. P. 482; T. IV. P. 418, 725; T. XVI. P. 297; T. XVII. P. 25).

Палаты косвенных сборов в Монпелье, отдав службы тем, кто ему угоден, и сместив прежде назначенных¹⁴.

Как видим, действие принципа *Quod principi placuit* в области комплектования королевской администрации оставалось беспрепятственным. В этой связи нелишне привести поразительное наблюдение О. Мартена, изучившего примеры передачи должностей путем отказа другому лицу в XIV в. по документам канцелярии: во всех случаях, даже при едва скрытой продаже должностей, в письме значилась формула "*quamdiu nobis placuerit*"¹⁵. И вряд ли это стоит воспринимать как простые обороты речи, как пустую формальность, каковой никогда не являются нормы закона. Суверенное право короля назначать всех своих чиновников не оспаривалось ни в теории, ни на практике: короли Франции считали это своей личной наследственной прерогативой. Так, в тексте Великого мартовского ордонанса 1357 г., последовавшего за смещением 22 главных чиновников короны, статья 47 прямо оговаривала исключительное право короля назначать их преемников, «ибо такова наша обязанность назначать на должности и никого более»; уже после внедрения практики выборов чиновников в ордонансе октября 1379 г., регулирующем права регента на период малолетства наследника, в числе передаваемых прав значится и право назначать чиновников (*creer officiers*). В период возобновления войны с англичанами в 1415 г. и вызванной этим смены большого числа чиновников Карл VI издает указ (16 февраля 1415 г.), где напоминает об этом своем суверенном праве: «и что нам одному и единственному принадлежит полное распоряжение, дарование и распределение наших служб всех рангов, и никому другому, каким бы авторитетом, превосходством или прерогативами он ни обладал, не позволено и не надлежит распоряжаться, давать или даровать никакие службы». На собрании Генеральных Шатов в Туре в 1484 г., где обсуждался вопрос о смещенных чиновниках, депутаты высказались в пользу необходимости поддержать «власть и привилегии короля, кому единственному принадлежит право назначать общественных служителей (*cui soli competit facere reipublice ministros*)»¹⁶. Спустя много лет после ордонанса о несменяемости должностей король Карл VIII в 1493 г. ясно дал понять Парламенту

¹⁴ ORF. Т. XI. P. 29; 95; Т. XV. P. 498; Т. XVI. P. 53; 480-482; Т. XVII. P. 10-11.

¹⁵ Martin O. La nomination aux offices royaux au XIV e siècle d'après les pratiques de la Chancellerie // Mélanges Paul Fournier. P., 1929. P. 487-501 (особенно P. 498 сноска 54).

¹⁶ ORF. Т. III. P. 142; Т. VI. P. 46; Т. X. P. 231-233; Journal des Etats Généraux de France tenues à Tours en 1484 sous le règne de Charles VIII, rédigé en latin par Jean Masselin, député du bailliage de Rouen / Ed. par A. Bernier. P., 1835. P. 63.

неуместность его попыток вмешаться в эту суверенную прерогативу монарха: «Никто другой, кроме нас, не имеет права создавать должности, поскольку никто другой их не оплачивает, и нам кажется довольно странным, если бы мы не могли отнять должность у одного из наших подданных и передать ее другому»¹⁷.

В приведенных примерах мы уже столкнулись с оборотной стороной проблемы: суверенное право короля назначать всех своих служителей естественным образом имело следствием право сместить любого из них. Фундамент этого права был заложен самой формулой назначения чиновника – «пока он нам угоден», «поскольку нам так угодно», подчеркивавшей временность его функций¹⁸. И действительно, практика показывает, что смещения чиновников были обычным делом. Опубликованные А. Фюржо акты Парламента за 1328-1350 гг. полны приговоров об отстранении королевских чиновников за те или иные проступки и злоупотребления, причем чаще всего они лишались королевской службы навсегда (*privation perpetuelle de tout office royal, à tousjours, à jamais*)¹⁹. За должностные проступки, ошибки и преступления чиновников смещали и позднее, о чем свидетельствуют королевские письма: например, 6 августа 1462 г. были смещены все элю (сборщики) косвенных налогов из-за совершенных ими злоупотреблений; генерального советника по делам косвенных сборов Жана Компэна король Людовик XI сместил 29 августа 1465 г. по обвинению в измене (*félonie*)²⁰.

Все подобные смещения, казалось бы, не противоречат тенденции несменяемости чиновников, поскольку вписываются в три узаконенные обстоятельства появления вакансий – смерть, уступка должности или явное и доказанное судом преступление. Однако право короля смещать любого из своих служителей никогда не ограничивалось этим кругом причин, и он мог сместить и смещал по своему «желанию (*ad nutum*)» чиновников любого ранга. Одной из форм законного смещения являлось сокращение числа должностей, определяемых и комплектуемых, как было показано, самим королем. Так, в мае 1350 г. число мэтров Вод

¹⁷ «Nul autre que nous n'a le droit de creer des offices, puisque nul autre ne les paie, et nous semble bien estrange, si nous ne pouvons oster l'office d'un de nos subjects pour le bailler a ung autre » (AN X1a 1500, fol. 138 v Цит. по: *Kubler J. Op. cit.* P. 206).

¹⁸ На эту особенность традиционной формулы назначений, где, как правило, срок службы не указывался, обращает внимание и Кюблер. См.: *Kubler J. Op. cit.* P. 109-110.

¹⁹ См. например *Furgeot H. (Ed.). Actes du Parlement de Paris. Ser. 2. 3 vols. P., 1920-1960. T. I. N 2, 3, 23, 82, 128, 169, 603, 725, 896 (P. 1, 4-5; 9; 13; 18; 62; 74; 91-92).*

²⁰ ORF. T. XV. P. 536-537; T. XVI. P. 345-346.

и Лесов, традиционной домениальной службы, было сокращено до двух человек, при этом все остальные отстранялись (*ostez et rabattre*); уже упоминавшийся указ от 12 сентября 1467 г., определивший состав Палаты косвенных налогов в Монпелье, одновременно с назначением пяти советников «смещал всех прочих, кому ранее дали эти службы»²¹. Впрочем, объяснять причины смещения король был вовсе не обязан и часто не утруждал себя этим: так, 15 сентября 1405 г. Карл VI назначил генеральным советником по делам косвенных налогов Жана Шуса, сместив без всяких объяснений занимавшего эту должность Пьера де Монберто²². Чаще всего причиной таких отстранений являлась непродуманная выдача королем писем-даров на должности, и он в любое время вправе был их отозвать. Так было сделано, например, указом Карла VI от 29 октября 1415 г., отозвавшем все дары на должности, освободившиеся в результате поражения и больших человеческих потерь в битве при Азенкуре; или актом Карла VII от 27 мая 1450 г., которым отзывались все получившие от короля в только что освобожденной Нормандии должности чиновники и оставлялись лишь те, кто получил письмо первым. Формула «отмены всех прежних даров» на должности повторена и в указе от 16 апреля 1454 г. касательно назначений в Палату прошений Дворца, и главное, в знаменитом ордонансе от 21 октября 1467 г. о несменяемости должностей, который на деле аннулировал прежде выданные Людовиком XI письма-назначения²³.

Но король Франции мог осуществить и широкомасштабные отстранения чиновников. Самым крупным и значимым явилось почти полное обновление королевских чиновников на местах – сенешалей и бальи – в период борьбы бургиньонов и арманьяков в начале XV в.²⁴. Посреди разгула политических страстей и произвола в смещениях чиновников Парламент пытался отстоять законность, получив к тому времени полномочия утверждать королевские назначения (регистрировать письма и принимать присягу чиновников). Но в этой ситуации его роль сводилась к фиксации в регистрах Парламента протеста смещаемого чиновника и констатации того, что он смещен не за

²¹ ORF. T. II. P. 330; T. XVII. P. 10.

²² Ibid. T. IX. P. 137.

²³ Ibid. T. XII. P. 254; T. XIV. P. 90-91; 279; T. XVII. P. 323.

²⁴ Этой теме посвящено фундаментальное исследование А. Демюрже. См.: *Demurger A. Guerre civile et changement du personnel administratif dans le royaume de France de 1400 à 1418 : l'exemple des baillis et sénéchaux // Francia. Bd. 6 (1978). München, 1979. P. 151-298.*

должностные преступления, а по воле монарха²⁵. Аналогичные протесты подавались в этот период в Парламент и на другие замены: адмирала, коннетабля, маршала, капитанов крепостей, правителей областей и т.д. Противиться этой воле, поскольку таково было решение короля, ни Парламент, ни отстраняемые чиновники были не вправе, и в регистрах протоколов фиксируется, что они «подчинились королевскому письму», «учитывая приказ короля»; лишь раз из-за смены сенешаля Руэрга 4 января 1413 г. король пожелал объяснить свое решение, передав Парламенту, что у него возникли подозрения в верности прежнего служителя. Причем, заметим, фундаментальный принцип, зафиксированный упоминавшимся ордонансом 1359 г., согласно которому чиновника нельзя отстранить, не выслушав предварительно, был соблюден, но это никак не повлияло на сам факт отстранения²⁶.

Кризис власти достигает своего апогея к июлю 1418 г., когда король Карл VI попадает под власть герцога Бургундского, затем, после 1420 г. – англичан. Центральный аппарат сначала подвергся чистке по

²⁵ Все отстраняемые просят Парламент выслушать их протест, что являлось обязательной законной процедурой отстранения после общественного движения 1356-1358 гг. См. запись в протоколах о смещениях и протестах: балы Амьена (13 сентября 1413 г., 14 и 19 декабря 1415 г. *Journal de Nicolas de Baye, greffier de Parlement de Paris, 1400-1417* / Ed. par A. Tueteu. 2 vols. P., 1885, 1888. (Далее – JNB). Т. 2. P. 145, 230-232); балы Валуа (19 ноября 1411 г. *Ibid.* P. 34); балы Вермандуа (14 марта 1414 г., 14 и 19 декабря 1415 г. *Ibid.* P. 174-175, 230-232); балы Жизора (23 августа 1413 г. *Ibid.* P. 138); балы Котантена (30 декабря 1411 г., 3 мая 1414 г., 9 августа 1415 г. *Ibid.* P. 40, 184, 216-217); балы Макона (12 мая 1411 г., 27 и 30 декабря 1415 г. *Ibid.* Т. 2. P. 5, 8-9, 27, 233-234); балы Мелена (30 октября 1411 г., 14 января 1412 г., 15 сентября 1413 г. *Ibid.* P. 27, 44-45, 145); балы Мо (15 января 1410 г.; 22 сентября, 21 ноября 1411 г., 3 сентября 1413 г. JNB. Т. I. P. 309, Т. 2. P. 23-24, 36, 139); балы Монтаржи, Серуа и Орлеана (19 ноября 1411 г. *Ibid.* P. 34); балы Руана (15 июня 1417 г. *Journal de Clement de Fauquembergue, greffier de Parlement de Paris, 1417-1435* / Ed. par A. Tueteu. 3 vols. P., 1903-1915 (Далее – JCF). Т. I. P. 28-29); балы Санлиса (27 и 30 декабря 1415 г., 28 апреля 1418 г. JNB. Т. 2. P. 233-234; JCF. Т. I. P. 124); балы Санса (9 октября 1411 г., 14 августа, 13 сентября 1413 г., 16 февраля 1414 г., 27 и 30 декабря 1415 г. *Ibid.* P. 25, 135-136, 145, 169, 233-234); балы Сен-Пьер-Ле-Мустье (17 января 1410 г. *Ibid.* P. 310); балы Сен-Совер-Ланделен (6 декабря 1411 г. *Ibid.* P. 39); балы Труа (17 апреля 1410 г. *Ibid.* P. 317); балы Турнэ (18 апреля 1406 г., 14 и 19 декабря 1415 г. JNB. Т. I. P. 156, Т. 2. P. 230-232); балы Турэна (16 ноября 1411 г. *Ibid.* P. 34); балы Шомона (4 февраля 1410 г., 31 декабря 1411 г., 4 и 12 сентября 1413 г. *Ibid.* P. 311-312, Т. 2. P. 39, 140, 145); балы Эвре (16 января 1412 г., 13-14 декабря 1415 г. *Ibid.* P. 45, 230); сенешаль Бигорра (29 декабря 1413 г., 20 ноября 1414 г. *Ibid.* P. 162, 201-202); сенешаль Бокера (15 февраля 1414 г., 8 июля 1415 г. *Ibid.* P. 169, 216); сенешаль Перигора (21 ноября 1414 г. *Ibid.* 202-203); сенешаль Руэрга (3 января 1413 г., 27 мая 1415 г. *Ibid.* P. 97, 215).

²⁶ OFR. Т. X. P. 459; *Autrand Fr. Offices et officiers.* P. 328-329; *Kubler J. Op. cit.* P. 137-141.

политическим мотивам, а затем распался на две враждующие части – проанглийскую и «буржскую». Патентные письма Карла VI от июля 1418 г. объявляли о роспуске всех чиновников и наборе новых²⁷. Хотя чистка аппарата не была тотальной²⁸, здесь нам важен сам факт безоговорочного права короля сместить одновременно всех чиновников своей администрации. Отметим попутно: смещенный не за преступление чиновник оставался в поле зрения властей, чаще всего ожидая первой же вакансии и получая некоторый пенсион.

Подтверждение этого суверенного права мы обнаруживаем и у правоведов-практиков: свидетельство тому – сборник судебных казусов с комментариями, составленный выдающимся парламентским адвокатом конца XIV в. Жаном Ле Коком. Право короля назначать и смещать своих чиновников по собственной воле фигурирует в двух казусах: в конфликте между новым приором церкви Сен-Мартэн-де-Шан и смещенным им мэтром с судебными полномочиями Никола Блонделем (11 марта 1389 г.) и в споре двух претендентов – недавно назначенного королем Жана де Сен-Верена и смещенного им Жана де Нюлли – за должность королевского прокурора в бальяже Макона (22 марта 1389 г.)²⁹. Описывая и анализируя с правовой точки зрения аргументы сторон и вынесенные Парламентом решения (в первом случае – подтверждено право новоназначенного главы монастыря смещать судебного чиновника, во втором – смещенному королем де Нюлли отказано в иске), Ле Кок в качестве главного довода в пользу этих решений приводит безусловное право короля назначать и смещать любого служителя по своему желанию. В подтверждение права нового приором монастыря назначить другого судейского чиновника он пишет: «Так поступает и государь наш король, меняя и отзывая своих бальи и чиновников как пожелает, следовательно, и другие могут так делать»³⁰. Разумеется, в конфликте за должность королевского прокурора это право короля по своему желанию (*proprio motu*) назначать любого тем более не оспаривалось в Парламенте.

Даже один казус такого рода, попавший в авторитетнейший сборник Ле Кока, очень значим, а тем более два, свидетельствуя о безоговорочном признании неоспоримости права верховного главы

²⁷ Besse G. Recueil des diverses pièces servant à l'histoire du roi Charles VI. P., 1660. P. 223-231.

²⁸ Подробнее см.: Цатурова С.К. Офицеры власти. Парижский Парламент в первой трети XV века. М., 2002. С. 86-90.

²⁹ Le Coq J. Questiones Jihannis Galli. P., P. 208-210 (Qu. 178) ; P. 219-220 (Qu. 186).

³⁰ « Sic servat dominus noster rex mutans et revocans baillivos et officarios suos, quando placet sibi : sic ergo et alii facere debent » (Ibid. P. 209).

администрации назначать и смещать любого из своих служителей не смотря на укрепление прав чиновников на должности, появление практики выборов и передачи служб.

В конфликте монастыря Сен-Мартэн-де-Шан с Никола Блонделем мы попутно сталкиваемся со вторым доказательством временности делегируемых королем полномочий чиновников: все они действуют только при его жизни и формально прекращаются со смертью монарха. Напомним, первой из трех узаконенных причин появления вакансий наряду с отказом от должности и судебно доказанным преступлением являлась смерть, не только самого чиновника, но и короля, делавшей все должности вакантными. Как показал Кюблер, даже в тексте ордонанса 1467 г. о несменяемости должностей речь шла о несменяемости только в течение правления данного монарха, наследники которого не были связаны никакими обязательствами³¹.

Рост влияния королевских чиновников, четко обозначившийся в правление Людовика IX, имел следствием появление традиции приносить в жертву общественному недовольству в виде «козла отпущения» одного из приближенных служителей прежнего короля после воцарения его наследника: напомним историю смещенного и осужденного камерария Людовика Святого Пьера де ла Бросса или знаменитую казнь Ангеррана де Мариньи, любимца Филиппа Красивого и т.д. Прервал эту традицию Карл V Мудрый: своим первым указом в апреле 1364 г. он подтвердил полномочия всех чиновников, служивший при его отце Иоанне II Добром³². Так делалось и после него, но важно обратить внимание на саму эту процедуру подтверждения: полномочия всех чиновников прекращались *ipso facto* со сменой монарха, и без подтверждения от нового короля не могли быть продолжены. Таким образом, нужен был акт не об отстранении, а наоборот о подтверждении полномочий чиновника, действующего от имени конкретного короля³³.

Мне могут возразить, что это была формальность, ничего не менявшая в рутинной работе королевской администрации в центре и на местах. Разумеется, так и происходило, если было угодно королю. Но насколько это было формальностью, хорошо показал Людовик XI, при

³¹ Kubler J. Op. cit. P. 174-175; 247-248.

³² ORF. Т. IV. P. 413-415; 418 (ордонансы от 17 и 28 апреля 1364 г., последний специально о Парламенте).

³³ Kubler J. Op. cit. P. 232-235; Это находит наглядное и яркое воплощение в церемониале похорон монарха, когда его ближайшие слуги опускают на мгновение свои жезлы как знаки власти, а главный майордом Двора ломает свой жезл. См. описание этой церемонии на похоронах Карла VI Journal d'un bourgeois de Paris de 1405 à 1449 / Ed. par C. Beaune. P., 1990. P. 195-196 (N 369).

воцарении которого принцип *Quod principi placuit* предстал во всем своем истинном масштабе. Как известно, у его отца – Карла VII – сложились весьма непростые, мягко говоря, отношения с сыном, о чем хорошо было известно далеко за стенами королевских покоев. Смерть отца в 1461 г. окрылила толпы вожделяющих королевских служб людей, и, по свидетельству современников, тысячи устремились к еще не коронованному наследнику в поисках милости: «одни дабы получить от него положение, управление и службы, другие дабы его увидеть и мольбами сохранить и защитить свое положение, управление и службу»³⁴. И эти надежды и опасения не были беспочвенны: после коронации Людовик XI сместил всех главных служителей короны – адмиралов, маршалов, капитанов и многих военачальников, а также канцлера Франции, первого президента и многих советников Парламента, генерального прокурора и адвокатов короля, прево Парижа и др. Все эти смещения диктовались одной лишь неприязнью сына к отцу и, как следствие, к его ближайшим чиновникам. И пусть вскоре король остыл и понял, что эти чиновники готовы послужить и ему, это никак не затрагивает действие самого принципа всевластия монарха над своими чиновниками.

Не случайно в ответ на увещевания окружения не так резко обходиться с уважаемыми и влиятельными служителями короны, Людовик XI, по свидетельству Тома Базена, отвечал: «Я король и могу делать все, что мне угодно»³⁵. Конечно, такое поведение короля выглядело вызывающим, Людовика за это обвиняли в тирании, да и сам он под конец жизни жалел об этом (как сожалел на смертном одре Карл IV о несправедливой расправе над Мариньи) и даже рекомендовал сыну не повторять своих ошибок. Но после его смерти на Генеральных Штатах в Туре 1484 г. вновь возникает вопрос о восстановлении смещенных чиновников; после долгих обсуждений депутаты не решаются ограничивать волю короля принципом несменяемости должностей, напоминая, что смерть короля делает все должности вакантными³⁶. Карл VIII так и посчитал, ограничившись, правда, смещением лишь нескольких фаворитов покойного монарха³⁷.

³⁴ См. красочное описание этого: Journal parisien de Jean Maupoint, prieur de Sainte-Catherine-de-la-Couture (1437-1469). Publ. par G. Fagniez // Mémoires de la Société de l'Histoire de Paris. 1877. Т. IV. Р. 40, 46-47, 95; а также у главного обвинителя нового монарха – Тома Базена, подробно описавшего эти торги. Bazin T. Histoire de Louis XI / Ed. par Ch.Samaran. P., 1963. Т. 1. Р. 32-33.

³⁵ « dicens se regem esse, et, que liberet, officere posse » (Bazin T. Ibid. P. 42).

³⁶ Masselin P. 84-87.

³⁷ Guillot O., Rigaudière A., Sassier J. Pouvoir et institutions dans la France médiévale : Des temps féodaux aux temps de l'Etat. P., 1994. Т. 2. Р. 281.

Всевластие короля над своими служителями находило отклик и в политической мысли этого времени. В политических трактатах, наставлениях, проповедях, хрониках и т.д. этот принцип оказывается не просто подтвержден, но и оправдан, поскольку в основе его лежало четкое убеждение, что король как глава политического тела отвечает за все, прежде всего, за работу аппарата власти³⁸. Поскольку это являлось общим местом политической доктрины эпохи, ограничусь лишь несколькими знаковыми примерами: в трактате «Сновидение садовника» (1378 г.), написанном по заказу Карла Мудрого с целью обосновать суверенные права и обязанности монарха, в их число включено «знание людей, назначаемых и делегируемых хранить его суверенитет и его компетенцию и также всех королевских чиновников»; Филипп де Мезьер в трактате об управлении «Сновидение старого паломника» (1389 г.), написанном для юного Карла VI, объясняет, «как мудро и здраво должен выбирать твоих советников, твоих чиновников и твоих служителей»; в прославлении Карла Мудрого, написанном Кристиной Пизанской в начале XV в. по заказу брата короля Людовика Орлеанского для будущего наследника трона, она в качестве выдающихся заслуг выделяет как его мудрый выбор советников и чиновников, так и беспощадное их смещение и наказание за провинности; наконец, в двух «Похвалах» Карлу VII Анри Бода и Тома Базена главным предметом восхваления оказывается его умение отбирать лучших людей к себе на службу³⁹.

Таким образом, и правовая теория, и административная практика, и политико-правовая мысль безоговорочно признают за королем Франции право по своему желанию назначать и смещать своих служителей.

Но пользовался ли он этим правом и в какой мере? И как сочеталось с ним укрепление владельческих прав чиновников на должности,

³⁸ Ввиду обширности темы позволю себе ограничиться отсылкой к моей статье «Король – чиновник, священная особа или осел на троне?: представления о обязанностях короля Франции XIV-XV вв. // Искусство власти. Сб. в честь Н.А. Хачатурян. М., СПб., 2005 (в печати).

³⁹ «le Roy doit avoir la cognoissance dez personnes ordenees et deputees a garder sa souveraineté et son ressort et aussi de touz officiers royaux» (Songe du Vergier / Ed. M. Schnerb-Lievre. 2 vols. P., 1982. Livre II. Ch. CCLI, N 12. T. 2. P. 202); «comment saignement de meurement tu doys eslire tes conseillers, tes officiers et tes serviteurs...quant il est en ta liberté» (*Mézières Ph. de. Songe du viel pelérin* / Ed. by G.W. Coopland. Cambridge, 1969. 2 vols. T. II. Livre III. N 256. T. 2. P. 326-327); *Christine de Pizan. Le Livre des faits et bonnes moeurs du roi Charles V le Sage* / Ed. par S. Solente. 2 vols. P., 1936-1940. T. I. P. 61; *Baude H. Eloge ou portrait de Charles VII* // *Chartier J. Chronique de Charles VII roi de France* / Publ. par Vallet de Viriville. 3 vols. P., 1858. T. 3. P. 130-140; *Bazin Th. Histoire de Charles VII* / Ed. Ch.Samaran. 2 vols. P., 1933-1944. T. 2. P. 300-301; 368-369.

приведшее в итоге к закреплённой законом наследственности и продаже королевских должностей?

Имея неограниченное право назначать и смещать любого чиновника, короли Франции пользовались им в исключительных случаях и по одной простой причине: по мере укрепления королевской власти, расширения ее компетенции и усложнения судебно-административных функций количество королевских чиновников постоянно увеличивалось, и один человек – король – был не в состоянии знать их всех лично, как и разобраться в степени их профессионального соответствия должностям⁴⁰. Конечно, король мог, внося неразбериху в администрацию и блокируя ее работу, сместить их всех, особенно в момент восшествия на престол, или выборочно потом, когда пожелает, но зачем бы он стал это делать без необходимости⁴¹. Тем не менее, как образно выразился по этому поводу выдающийся юрист и теоретик службы в XVI в. Шарль Луазо, «Бог редко совершает чудо, но всегда может его совершить». Короли имели абсолютную власть над своими чиновниками, но в определенный момент сознательно пошли на определенные ограничения ради привлечения на королевскую службу знающих людей и гарантии их лояльности, но главное – для повышения эффективности самого королевского аппарата. Заметим, что король Франции не знал точно границ своего королевства, не то что наличие вакансий в администрации. Некоторые курьезы это хорошо показывают: так, в Кабольшем ордонансе 1413 г. упоминался в этой связи скандал с капитаном замка в Ножан-ле-Руа, получавшем 100 ливров жалованья в год, тогда как случайно выяснилось, что в Ножане вовсе не было замка; в 1446 г. Карл VII внезапно обнаружил, что в течение 28 лет давал одну

⁴⁰ Численность аппарата королевской власти, разумеется, не поддается точному подсчету, но Драваза оперирует такими цифрами: 1320–1450 гг. – 11873 чиновника, 1450–1515 гг. – 8297 (см. *Dravasa E. "Vivre noblement". Recherches sur la dérogeance de la noblesse du XIV au XVI siècle.* Bordeaux, 1965. P. 130); Р. Мунье на основе косвенных подсчетов заключил, что в 1515 г. 1 чиновник приходился на 115 кв. км (1 чиновник на 950 жителей), в 1665 г. 1 на 10 кв. км (1 чиновник на 76 жителей) (*Richert D. La France moderne.* P. 81); по свидетельству Жана Мопуана, в момент воцарения Людовика XI было 64 тысячи должностей (*Journal de Jean Maupoint.* P. 47).

⁴¹ Признавая, что «нестабильность – удел чиновников», Б. Гене считает, что смещения чаще всего касались чиновников в столице, кто больше на виду и ближе к персоне монарха, в провинции же такие смещения были немислимы, и смены короля здесь никто не боялся (*Guenée B. Tribuneaux et gens de justice dans le bailliage de Senlis à la fin du Moyen âge (vers 1380 – vers 1550).* Strasbourg, 1963. P. 167); Ж. Кюблер, напротив, утверждает, что в центре больше стабильности, поскольку здесь чиновник легче подвергался контролю, чем на местах, где нестабильность положения местного агента есть плата за относительную независимость из-за географической удаленности от короля (*Kubler J. Op. cit.* P. 91, 127)

и ту же должность двум или трем чиновникам; об этой же беде королевства писал в середине XV в. Тома Базен⁴².

Другая угроза исходила от наплыва к монарху просителей, которым ему по разным причинам трудно было отказать, что приводило к неразберихе: давались не вакантные должности или протеже оказывался несостоятелен. Оградить короля и его администрацию от «назойливости просителей (*importunité de requerans*)» стало предметом специальных указов и причиной внедрения новых процедур, например, обязательной регистрации писем-назначений в Парламенте и Палате счетов с целью их проверки на законность и с прямой санкцией короля не регистрировать их в противном случае⁴³.

Так возникают четкие процедуры комплектования кадров королевской администрации, следовать которым король обязан ради стабильности и эффективности своей власти. И как это не покажется странным на первый взгляд, решающий шаг на пути укрепления власти короля и повышения профессионального уровня его администрации был сделан благодаря внедрению практики выборов королевских чиновников с участием самих чиновников.

Рассматривать внедрение процедуры выборов как фактор уменьшения власти монарха в пользу его чиновников не продуктивно, прежде всего, потому что она была введена самим королем – Карлом V – и не под давлением извне, а в согласии с четкой программой усиления суверенитета королевской власти, вдохновленной идеями Аристотеля в заказанных и оплаченных монархом переводах его служителей. Причем впервые выборы состоялись на высшую должность в королевской администрации и на место ближайшего к персоне монарха чиновника – канцлера Франции. В начале 1372 г. Жан де Дорман стал епископом Бовэ и отказался от должности канцлера, и 21 февраля на Королевском совете с участием представителей других институтов (Парламента, Палаты счетов) был избран канцлером его брат Гийом де Дорман; вскоре по смерти обоих братьев 20 ноября 1373 г. вновь состоялись

⁴² *Autrand Fr.* L'apparition d'un nouveau groupe social // *Histoire de la fonction publique en France*. Т. I. P., 1993. P. 376 ; *Dupont-Ferrier G.* Ignorance et distraction administratives en France aux XIV et XV siècles // *Bibliothèque de l'école des chartes*. 1939. Т. 100. P. 145-156 ; *Bazin Th.* Louis XI. Т. I. P. 40-41.

⁴³ О проверке чиновников на состоятельность см. ордонанс от 8 апреля 1342 г. ORF. Т. II. P. 174; о процессе самозащиты короля от просителей см. *Paravicini W.* *Administrateurs professionnelles et princes dilettantes. Remarques sur le problème de sociologie administrative à la fin du Moyen âge* // *Actes du XIV Colloque historique franco-allemand. Histoire comparée de l'administration*. München, 1980. P. 168-181; о процедуре регистрации писем см.: *Autrand Fr.* *Offices et officiers*. P. 289, 316-317; *Kubler J.* *Op. cit.* P. 125-136.

выборы, и большинством голосов на Совете был избран Пьер д'Оржемон⁴⁴. Затем эта практика была распространена на все должности в Парламенте, Палате счетов, а к началу XV в. на местный судебно-административный аппарат. Основной целью этой процедуры было не столько усиление влияния чиновников на комплектование королевского аппарата, сколько уменьшения давления знати и различных семейных и политических кланов, посягавших таким образом на суверенитет короля⁴⁵. Выборы стали главной формой самозащиты монарха и усиления его суверенитета с помощью соучастия чиновников. И соблюдение процедуры выборов особенно пригодились монархическому государству в период долгого правления сына Карла Мудрого – психически больного короля Карла VI, когда борьба кланов, переросшая в гражданскую войну бургиньонов и арманьяков и завершившаяся королевской схизмой, натолкнулась на корпоративную солидарность служителей короны, отстаивавших принципы королевского суверенитета⁴⁶.

Эта истинная подоплека выборов была понятна уже современникам: так, монах из Сен-Дени писал о незаконности получения должностей через фаворитизм, когда чиновник «более связан с покровителем, чем с королем», что угрожает интересам последнего. Еще раньше Филипп де Мезьер предупреждал юного Карла VI не потакать настойчивости просителей, и главное – исполнять «святые выборы (*sainte election*)», предохраняющие от продвижения по дружбе, фавору, деньгам и незаконной преданности другому сеньору, а не королю⁴⁷.

При внимательном исследовании законодательных норм и практики выборов чиновников Парламента в первой трети XV в. мне удалось обнаружить существенную черту: ни в теории, ни на практике выборы никогда не отменяли права короля вмешиваться в сферу комплектования чиновников. Процедура выборов менялась, но роль короля в утверждении их результатов оставалась центральной: либо Парламент

⁴⁴ Luce S. Le principe électif, les traductions d'Aristote et les parvenus au XIV siècle // La France pendant la guerre de Cent ans. P., 1890. P. 179-202 ; *Idem*. De l'élection au scrutin de deux chanceliers de France // Revue historique. 1881. T. XVI. P. 91-102.

⁴⁵ О выборах как защите короля от давления знати см.: Цатурова С.К. Ук. соч. С. 73-78, а также Lazard M. L'image du prince dans le Mémoires de Michel de Castelnau : le prince dans la tourmente des passions religieuses (1520-1592) // Le pouvoir monarchique et ses supports idéologiques. P., 1990. P. 116.

⁴⁶ Подробнее см.: Цатурова С.К. Ук. соч.

⁴⁷ Religieux de Saint-Denis. Chronique contenant le regne de Charles VI de 1380 à 1442 / Ed. L.F.Bellarguet. 6 vols. P., 1839-1855. T. 2. P. 301 ; Mézières Ph. de. Op. cit. T. 2. P. 180-181 ; 327-329.

проводил голосование и предлагал королю одного-трех кандидатов, получивших большинство голосов, и тот из них назначал любого, либо наоборот, король давал письма нескольким кандидатам, и из них Парламент выбирал наиболее подходящего⁴⁸.

О суверенной прерогативе монарха выбирать своих служителей даже в период внедрения процедуры выборов свидетельствует и диаметрально противоположная реакция парламентариев на вмешательство в комплектование чиновников высшей знати и монарха. Изучив подробно все подобного рода конфликты в Парламенте первой трети XV в., удалось обнаружить следующее: если в первом случае реакция Парламента была однозначно негативной, то при прямом вмешательстве короля верховный суд ограничивался только требованием соблюсти процедуру выборов. Разумеется, в этот драматичный период болезни короля и обострившейся борьбы кланов Парламент с большей решительностью отстаивает принцип независимости бюрократической функции не только от незаконного давления извне, но и от необдуманных шагов монарха, однако, исчерпав все имеющиеся в арсенале аргументы, верховный суд вынужден сдаваться и признавать, что право короля в этой области не ограничено⁴⁹. Секретарь Парламента по гражданским делам Никола де Бай пишет на полях протокола с описанием конфликта в 1403 г. вокруг должности первого и третьего президентов: «Король выше выборов (*Rex est supra electionem*)»; и это свидетельство знатока права и парламентских процедур дорогого стоит⁵⁰.

Власть короля в сфере комплектования своей администрации была выше всех использовавшихся в разное время процедур, однако он прибегал к помощи своих чиновников для отбора наиболее подходящих, знающих и преданных людей. Поэтому не только проверка качеств кандидатов и выборы чиновников передаются королем в ведение самих чиновников, но и смещения также производятся путем делегирования королем этой своей прерогативы доверенным служителям.

Такие широкие полномочия смещать и назначать чиновников получали сначала комиссары, а затем так называемые генеральные реформаторы, отправляемые королем в разные области королевства с целью устранения злоупотреблений королевских чиновников на местах. В королевских письмах, постатейно регламентирующих полномочия этих генеральных реформаторов, им делегируется неограниченное

⁴⁸ Цатурова С.К. Ук. соч. С. 54-56.

⁴⁹ Там же. С. 69-78.

⁵⁰ Там же. С. 71.

право смещать и наказывать за проступки чиновников всех рангов⁵¹. Время наивысшей власти этих реформаторов – правление так называемой группы мармузетов, доверенных советников Карла Мудрого, которые после наступления совершеннолетия его сына Карла VI за несколько лет совершили подлинную революцию в области королевской службы, сформировав новые принципы и внедрив новые процедуры отбора чиновников. В этот период они получили от короля самые широкие полномочия «заменять, обновлять, смещать и назначать чиновников» в центре и на местах «как если бы мы сами (король – С.Ц.) собственной персоной это сделали (*comme se nous, en nostre propre personne les avions faictes et ordennees*)»⁵².

В описании осведомленного и проницательного современника – в «Хронике монаха аббатства Сен-Дени» – эта административная перетряска ярко высветила эфемерность претензий чиновников на стабильность занятия королевских должностей. Когда в 1388 г. Карл VI объявил, что более не нуждается в опеке дядей и намерен править самостоятельно, бывшие опекуны тщетно добивались от него обещания не смещать назначенных ими и по их протекции чиновников. Однако пришедшие к власти мармузеты, облеченные королем широкими полномочиями и одержимые планом укрепить власть монарха после всесилия знати и повысить ее суверенитет, удалив всяческие на него посягательства, приступили к широкомасштабным смещениям и замене чиновников королевской администрации, удалив всех ставленников дядей-опекунов. Первый приступ безумия Карла VI в 1392 г. и последовавшее за ним возвращение к власти дядей короля имело логическим продолжением смещение и даже арест этих столь могущественных прежде королевских чиновников. Карл VI сумел сохранить им жизнь, но ценой «отстранения навсегда от всех королевских служб и запрета под угрозой обвинения в оскорблении величества приближаться к королю ближе, чем на 40 лье». Переменчивость судеб королевских служителей в последующем только усиливалась из-за

⁵¹ Первые такие комиссии возникают в ходе общественного движения светской и духовной знати – так называемых Провинциальных лиг 1415-1417 гг. – направленного против усиления власти королевских чиновников. В ответ на многочисленные жалобы король делегирует комиссаров с широкими полномочиями «отстранять и смещать» всех уличенных в злоупотреблениях чиновников; такие комиссии особенно практиковались в период борьбы бургиньонов и арманьяков. ORF. T. I. P. 570-572, 591; T. XI. P. 56-58.

⁵² См. ордонанс о власти и юрисдикции генеральных советников по делам косвенных налогов от 26 января 1383 г.; ордонанс о шести генералах финансов от 28 февраля 1389 г. (ORF. T. VI. P. 705-706; T. VII. P. 228-229).

попеременного приближения к персоне монарха то герцога Бургундского, то герцога Орлеанского и арманьякской партии, так что, как свидетельствует монах из Сен-Дени, «мудрые люди часто повторяли такие слова, ставшие, можно сказать, поговоркой: «службы государевы не есть наследия или владения постоянные, когда так по воле могут сменяться»⁵³.

В этих драматических перипетиях политического кризиса во Франции конца XIV – первой трети XV в., затронувшего аппарат королевской власти, одержал победу принцип неограниченной прерогативы монарха выбирать служителей с опорой на выработанные процедуры комплектования, предусматривающие соучастие чиновников и делавшие незаконным вмешательство иных сил. В дальнейшем этот принцип только укреплялся, поскольку опирался на прочную основу: на совпадение интересов чиновников с интересами усиливающейся королевской власти. Королевские служители с самого начала были и остались опорой монархии, и их соучастие в комплектовании королевской администрации преследовало цель всемерно поддержать и усилить абсолютную власть монарха⁵⁴.

Поэтому укрепление владельческих прав чиновников на должности не имело ничего общего с ослаблением власти монарха, но преследовало все ту же цель: повышение эффективности аппарата и гарантии лояльности чиновников. С этой точки зрения абсолютная власть в данной сфере означала соблюдение королем законов и выработанных процедур, следование традиции, обеспечивающей работу институтов власти.

Досконально проанализировав обстоятельства издания, предыстории и последствий знаменитого ордонанса от 21 октября 1467 г. о несменяемости должностей, Ж. Кюблер пришел к внешне парадоксальному выводу: этот акт, считавшийся знаком ослабления вмешательства монарха в комплектование своих чиновников, был на деле основой прочного союза монарха с самыми могущественными помощниками монархии, приведшего к усилению королевской власти⁵⁵.

Короли Франции вплоть до конца Старого порядка не считали своих чиновников несменяемыми, если им почему-либо захотелось их сместить, и они продолжали смещать неугодных (например, фаворитов

⁵³ «dominorum servicia non sunt hereditates vel possessiones perpetue, cum sic ad nutum mutantur» – Religieux de Saint-Denis. Т. I. P. 568-571; Т. II. P. 26-29; Т. V. P. 144-145.

⁵⁴ Об усилении власти чиновников в «ренессансном» государстве как опоре монархии см.: Richet D. La France moderne. P. 84.

⁵⁵ См. подробнее Kubler J. Op. cit. P. 151-170.

своего предшественника), могли навязать своего кандидата суверенным куриям, могли создать экстраординарную должность, если все ординарные заняты, могли платить жалованье за несуществующую должность и т.д.⁵⁶. Идя на сознательное ограничение собственной власти ради повышения эффективности аппарата, королевская власть на новом витке развития изобретает иные формы соучастия чиновников в комплектовании кадров администрации, предохраняющие их от незаконного вмешательства знати и клиентел.

По сути, наследственность и продажа должностей и были такими формами соучастия чиновников в комплектовании королевской администрации, не посягавшими, однако, на суверенитет монарха в этой сфере. Обе эти последовательные формы замещения вакансий опирались на фактическую несменяемость основного корпуса чиновников и явились продолжением старой практики уступки должностей (*resignatio in favorem*). Сама эта практика, появившаяся в конце XIV в., преследовала цель обеспечить достойную старость служителю короны ввиду отсутствия каких бы то ни было пенсий. Старый чиновник либо передавал должность своему родственнику (сыну, племяннику, зятю и т.д.), чем гарантировал дальнейшее процветание семьи, либо с той же целью продавал ее. Хотя общественное мнение крайне негативно относилось к этой семейственности и неофициальной продаже должностей, сами властные институты не усматривали здесь ущерба своему авторитету, поскольку в их ведении оставалась проверка кандидата на состоятельность и соответствие должности, будь то в виде регистрации королевских писем или выборов. В этой ситуации человек профессионально несостоятельный все равно не попал бы во властные институты⁵⁷. И зная эти строгие критерии, чиновник, передающий должность, выискивал подходящего кандидата, дабы сделка состоялась, тем более что со временем толпы образованных и ищущих королевских служб людей осаждали узкие двери институтов королевской власти. Поэтому уступали и продавали должность не всякому, не тому, кто больше заплатит, а тому, кто гарантированно ее получит.

⁵⁶ См. об этом *Glasson E.* Op. cit. P. 716; *Kubler J.* Op. cit. P. 203-207, 222; *Quilliet B.* Les corps des officiers de la Prévôté et Vicomté de Paris et de l'Ile-de-France, de la fin de la guerre de Cent ans au début des guerres de religions. 2 vols. Lille, 1982. T. 2. P. 754-760.

⁵⁷ *Austrand Fr.* Offices et officiers. P. 322-323; *Idem.* Histoire de la fonction publique. P. 403-405; в этой связи хотелось бы обратить внимание, что старый чиновник передавал не занимаемую им самим должность, как правило, высокого ранга, а место в корпорации, и новый чиновник приходил на низшую ступень в иерархии, в которой происходили последовательные перестановки согласно правилам восхождения по чиновной лестнице. См. об этом: *Цатурова С.К.* Ук. соч. С. 62-69.

И когда финансовые трудности казны, ускоренные Итальянскими войнами, подвигли монархов поэтапно легализовать эту скрытую продажу должностей, характер взаимоотношений короля и его чиновников по сути не изменился. Король Франции оставался хозяином положения, и если раньше он своей милостью, «по своему желанию» даровал должность, то теперь он эту милость продавал⁵⁸. Практика легальной продажи должностей, и это очень существенно, призвана была на новом витке развития монархической власти оградить комплектование администрации от давления знати и клиентел, т.е. она заменила с этой целью практику выборов, использовавшуюся в предшествующий период⁵⁹. Но наследственность и продажа должностей никак не посягала на власть короля видеть своим чиновником того, кто ему угоден. Если король не хотел кого-то видеть в этом качестве, он и теперь мог не принять его на должность, всегда мог выкупить ее или заставить перепродать другому. Таким образом, должность передавалась и покупалась как источник дохода, некое имущество, с гарантией, что деньги всегда будут возвращены, но не как функция, и несостоятельный или негодный королю человек ее все равно не получал⁶⁰. Разумеется, это был очень редкий случай и мог касаться лишь самых высоких и близких к персоне монарха должностей; основной же корпус королевских служб находился в ведении самих чиновников. Это служило в последний период существования монархии источником динамичного конфликта между королем и его служителями, все активнее стремившимися к автономизации бюрократической функции и по-своему трактующих «интересы короны», но неустрашимый патримониальный характер королевской власти предопределял их неудачу. Вплоть до конца Старого порядка чиновники были служителями короля, действовавшими в рамках четко очерченных и делегированных полномочий и «пока так было угодно» государю.

А теперь вернемся к терминологическим спорам. Итак, чиновник или оффисье? Введение такого нового термина внешне вписывается в плодотворную тенденцию новейшей историографии сделать язык историков более целомудренным или хотя бы усилить «привкус анахронизма на губах», по выражению Л.М. Баткина. С этой точки зрения королевский чиновник во Франции, разумеется, не равен чиновнику в

⁵⁸ *Descimon R.* Modernité et archaïsme de l'Etat monarchique : le Parlement de Paris saisi par la venalité (XVI e siècle) // *L'Etat moderne. Genèse. Bilans et perspectives.* P., 1990. P. 150-151 ; *Mousnier R.* La fonction publique en France du début du XVI^e siècle à la fin du XVIII e siècle // *Revue historique.* 1979. T. 261. N 530. P. 321-335.

⁵⁹ Об этом справедливо пишет В.Н. Малов. См. *Малов В.Н.* Указ. соч. С. 11.

⁶⁰ См. об этом: *Kubler J.* Op. cit. P. 293-294.

веберовском, буржуазном, современном и т.д. смысле слова, хотя, замечу, это напрямую зависит от индивидуальной авторской трактовки. Куда существеннее то, что практически ни один термин, ни одно слово в современном языке не оставалось неизменным на протяжении веков и не равно его, скажем, средневековому значению, что ставит под сомнение адекватность языка историков. Выход из этого опасного для ремесла медиевиста тупика мне видится в позиции разумного прагматизма по примеру Ф. Броделя, который, исследуя этих «новых персонажей» на социальной арене, называет их «для удобства, а не ради их осовременивания – чиновниками»⁶¹. Конечно, занимаясь зарубежной историей, можно прибегнуть к простой транскрипции иностранного слова русскими буквами, и выход кажется найденным. Но эта «операция» мало что проясняет в сути явления.

А вот аргументы В.Н. Малова, которые подкрепляют этот Лингвистический прием, заслуживают отдельного разговора⁶². Их можно разделить на две категории: одни относятся к периоду после учреждения «полетты», другие касаются собственно природы королевской службы. К первым я бы отнесла только две черты из этого списка: «отсутствие регламентированного выслугой лет повышения по службе (для восхождения по административно-судебной лестнице надо было купить более высокую должность)» и расширение досуга ввиду того, что одну должность занимало несколько чиновников и они работали по очереди (по полгода, по три месяца). Действительно, это являлось особенностью службы короне в XVII-XVIII вв.; в предшествующий период существовали четкие правила продвижения по выслуге лет (*selon ancienneté*)⁶³, а нехватка профессиональных чиновников приводила, наоборот, к совмещению должностей, и им было не до досуга. Все же остальные аргументы представляются мне неубедительными. Итак, В.Н. Малов утверждает, что «оффисье во многих отношениях были антиподами чиновников. Помимо гарантированного обладания должностями, отметим такие отличия, как коллективная солидарность вместо индивидуальной ответственности, забота об охране законности вместо беспрекословного подчинения воле патрона... отсутствие канцелярско-бюрократической дисциплины... Как собственник должности, оффисье был в известном смысле независимым от короны лицом».

⁶¹ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 2. Коллективные судьбы и универсальные сдвиги / Пер. с франц. М.А. Юсима. М., 2003. С. 473.

⁶² Малов В.Н. Указ. соч. С. 12.

⁶³ См.: Цатурова С.К. Ук. соч. С. 62-69, особенно С. 218-226.

Насколько сильны были эти гарантии обладания должностью у чиновников мною было выше показано, да и сам В.Н. Малов признает, что «в крайнем случае монарх мог сместить любого, уплатив цену его должности». Отсутствие канцелярско-бюрократической дисциплины даже в этот период представляется мне сомнительным, ибо без нее аппарат власти не функционирует вообще. Если же кто-то наивно полагает, что корпоративная солидарность – удел только средневековой бюрократии, то он мало знаком с этой сферой государственных институтов. Особо сомневающимся предлагаю познакомиться с блестящим исследованием социолога П. Бурдьё о том, как в современной Франции воспитывают, обучают и готовят властные элиты и какую роль в этом процессе играет корпоративная солидарность⁶⁴. Она ни прежде, ни теперь не исключает индивидуальной ответственности, как и забота об охране законности не противоречит подчинению воле патрона; эти полюса составляют динамичный конфликт в поведении служащих власти. А вот «в известном смысле независимость собственника должности от короны» (скорее – от короля!) была на последнем этапе монархии симптомом складывания государства Нового времени, «неумирающего тела», все сильнее абстрагирующегося от персоны монарха. Хотя до падения монархии патримониальный характер королевской власти был неустрашим, и служители короны оставались «верными и любимыми слугами короля», процесс укрепления владельческих прав чиновников на занимаемые должности был одним из существенных составляющих процесса формирования нового типа государства с обязательной автономностью бюрократической функции. Именно успех этого процесса предопределил центральный конфликт последних веков монархии между королем и его служащими, и их стремление противостоять всевластию короля, пусть и обреченное на неудачу при монархической форме правления, делает их подлинными прародителями современной бюрократии.

⁶⁴ Bourdieu P. Noblesse de l'Etat : Grandes écoles et esprit de corps. P., 1989.